Таутаева Г.Б., Ниетбайтеги К.А.

Имена-компози́ты как специфические формы казахских антропонимов

*Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
(Республика Казахстан, Шымкент)*

doi: 10.18411/gdsn-28-02-2019-19

ids: scienceconf-28-02-2019-19

Аннотация

В статье рассмотрено формирование ономастического значения имен-компози́тов казахской антропонимии. Показана взаимосвязь антропонимов с этнокультурной жизнью общества. Описана мотивация выбора имен, взаимосвязь компонентов компози́тов в семантическом пространстве личных имен.

Ключевые слова: имена-компози́ты, антропонимия, семантика имени, апеллятив, ономастическое значение, картина мира.

Abstract

The article considers the formation of the onomastic meaning of the names of composites of Kazakh anthroponymy. The interrelation of anthroponyms with the ethnocultural life of society is shown. The motivation of the choice of names, the relationship of the components of composites in the semantic namespace is described.

Keywords: names-composites, anthroponymy, name semantics, appeal, onomastic meaning, picture of the world.

Любой национальный антропонимикон имеет своеобразные черты. Уникальностью состава казахской антропонимии является наличие необозримого количества имен-компози́тов. Прежде всего представляет интерес семантическое содержание таких антропонимов. Вопрос о сочетаемостных возможностях компонентов имен-компози́тов является малоизученным в казахской антропонимике и является вполне актуальным.

Казахские личные имена, как известно, являются вторичными наименованиями, образуемыми на базе апеллятивов. В ономастическое значение антропонима закладывается смысл не только лексического значения нарицательного имени, но и, с одной стороны, более узкий, предполагающий только исходное мотивационное значение, а с другой - гораздо более широкий, включающий всю информацию, которую можно извлечь из имени. Более широкое понятие ономастического значения антропонима связано, конечно, с языковой картиной мира этноса. Современные авторы картину мира определяют как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [1]. Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоёв картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние. При оценке картины мира следует понимать, что она - не отображение мира и не окно в мир, а она является интерпретацией человеком окружающего мира, способом его миропонимания. «Язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [2]. Это означает, что мир для человека – это не только то, что он воспринял посредством своих органов чувств. Напротив, более или менее значительную часть этого мира составляют субъективные результаты осуществлённой

человеком интерпретации воспринятого. Язык представляет мир не непосредственно, а в субъективном познавательном преломлении сообщества людей. Вопрос о механизме возникновения ономастического значения казахских антропонимов был рассмотрен нами ранее [3]. Как же возникают связанные значения в композитах? Языковеды считают, что связанные значения формируются в актах особого типа номинации – косвенной, обретая в них косвенно-производное значение. По В.Н. Телии, «при косвенной номинации используется комбинаторная техника сочетания слов с ономаσιологическими целями. Эта техника и обеспечивает актуализацию в переосмысляемом значении слова определенных семантических компонентов, лежащих в основу нового значения» [4].

В именах-композитах наблюдается повторение одного и того же компонента в ряде имен. Рассмотрим личные имена с компонентом «келди». В прошлом у казахов был обычай давать имена новорожденным в связи с особыми событиями, происходящими в момент появления на свет ребенка. Одни имена свидетельствуют о приходе в аул почетного гостя: Хангелды (хан – высшая государственная должность в Казахском ханстве, гелды//келди 'пришел'), Бигелды (би – судьи казахских жузов), Мырзагелды (мырза – господин, барин), Кажигелды (кажы – тот, кто совершил паломничество в Священную Мекку), Торегелды (торе – представитель белой кости), Байгелды (бай – богат). Другие имена свидетельствуют о появлении на свет здорового ребенка: Амангелды, Есенгелды (аман, есен 'здоровый'). Нельзя не заметить, что связанное значение слов в вышеперечисленных именах сохраняет в той или иной мере образное представление о том свойстве обозначаемого, которое послужило мотивировкой имяназрения: приход почетного гостя, появление на свет здорового ребенка. Двойная мотивировка здесь связана с омонимией ведущего компонента.

Антропоним – это этнокультурный элемент, и потому его связь с жизнью общества неоспорима. Следы номадизма, господствовавшего в казахском обществе в течение тысячелетий, можно наблюдать и в антропонимии.

Пространство для казахов-скотоводов – это прежде всего среда обитания. Формой их существования были общины (аулы), для которых был характерен естественно-натуральный способ производительных сил. Основу жизнедеятельности общины составляло освоение природной среды, т.е. способ адаптации к среде. Хозяйственная деятельность общины заключалась в выпасе скота в естественных условиях и зависела от природно-климатических условий. Многовековой опыт ведения скотоводческого хозяйства выработал порядок сезонного чередования пастбищ, что было вызвано экономической необходимостью рационального использования травостоя. Зимой скот содержался на зимних пастбищах (кыстау). В мае делали длительные остановки вблизи рек и озер. Здесь производилась весенняя стрижка (кузем) овец, происходил окот скота, случка лошадей. Через некоторое время, когда скот был уже окрепшим, подрос молодняк, аулы двигались на летние пастбища (жайлау). Осенью аулы перемещались на осенние пастбища (кузеу). Стоянка аула с пастбищем называлась коныс, место стоянки – журт, родной край – ел. Скотоводы различали виды пастбищ. В работе Г.К. Конкашпаева «Казахские народные географические термины» обстоятельно описана народная классификация пастбищ. Приведем примеры нескольких видов. Отар – пастбище любого сезона, расположенное вдали от аула. Отсюда русское отара, соответствующее современному «отгонный участок». Аныз – жнивье, залет, орис – выгон, место пастбы скота, расположенное вокруг аула; радиус района определяется расстоянием, на которое отходит скот от аула в течение дня.

В обиходе место выпаса скота называли как общим наименованием, так и его видовыми наименованиями, которые, онимизируясь, обогатили казахский антропонимикон. Об этом свидетельствуют имена Аулбай, Кыстаубай, Жайлаубай, Кузембай, Конысбай, Отарбай, Анызбай, Орисбек.

В качестве ставок степных аристократов использовались оседлые поселения: курган, орда, кент (городища), дуан. Ордой в старину называли временную ставку хана или знатного лица, а позднее это слово стало обозначать 'очаг', 'центр'. По мнению А.

Кайдар, қорған (от слова қорғану 'защищаться') возникло вначале как нарицательное название укрепления (вала, крепости), позднее в результате семантической эволюции оно стало обозначать холм, сопку, конусовидную насыпь. Древние крепости и укрепления воздвигались на холмах, возвышенностях, вследствие этого произошел метонимический перенос названия по схеме «курган = укрепление (на холме) - курган – холм» [5]. Дуан – перс 'город', место, где имеются государственные учреждения. Перечисленные наименования поселений составили основу личных имен: Ордабай, Қорғанбек, Қонысбек, Дуанкуль. Вышеперечисленные имена-компози́ты имеют десемантизированные компоненты бай, бек, куль (куль//гуль 'цветок'), которые лишь свидетельствуют о принадлежности ребенка к тому или иному полу, главным компонентом в них является первый, информирующий о месте рождения.

Этнографы считают, что «существенным элементом традиционной системы поселения кочевников является территория их расселения и организация производственного цикла со всеми присущими ей естественными атрибутами (кормовой ресурс для скота, гидросфера, геоморфологическая характеристика и т.п.)» [6]. Важную роль в жизнедеятельности скотоводов играли пастбища, их растительный покров, т.е. кормовой ресурс. Казахская пословица гласит: «Жери байдын ели бай» («Где богата земля, там и народ богат»). Под богатством земли подразумеваются пастбища с густой, сочной травой. Информацию о характеристике местности по растительному покрову содержат имена: Кодебай (коде 'ковыль'), Бедебай (беде 'клевер'), Жантакбай (жантак 'верблюжья колючка'), Киякбай (кияк 'волоснец'), Байшағыр (шағыр 'бурьян'), Бозтай, Бозбай (боз – вид ковыля), Жайылымбай (жайылым 'пастбище'). Компонент – бай – в перечисленных именах сохраняет свое лексическое значение 'богатый', а первые компоненты, - наименования растений - находясь в тесной взаимосвязи с «бай», содержат коннотацию благополучия.

Личные имена с компонентом берди, берген связаны с понятием 'дан Всевышним', и в них зафиксировано наименование бога в разные эпохи: Танирберген (Танир 'тенгри'), Кудайберген (кудай – перс. 'бог'), Алдаберген (Алда//Алла – ар. 'бог'); Аяпберген ('дал пожалев'), Тилеуберген ('дал желанного'), Толепберген ('дал возместив'). В именах подобного типа связанное значение слова сохраняет образное представление об обозначаемом, хотя в некоторых из них компонент, обозначающий Всевышнего, выражен имплицитно, и они содержат как бы живую мотивацию выбора имени.

Нами рассмотрена лишь малая часть из огромного количества личных имен рассматриваемого типа. Вышеприведенные примеры подтверждают мысль А. Вежицкой о том, что «та или иная концептуализация внешнего мира заложена в языке, что каждый язык национально специфичен, при этом в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей» [7].

Таким образом, имена-компози́ты приобретают ономастическое значение за счет актуализации исходной семантики того или иного компонента, но в то же время наблюдается взаимосвязь обоих компонентов в ассоциативном плане, что приводит к формированию коннотативного компонента значения личного имени. Как было отмечено, «...при исследовании ономастических единиц важно обращать внимание не только на специфику существования имени, истории данной единицы и этимологии их основ, но и на мотивы именования» [8]. Рассмотренные выше примеры показывают, что переход известных в языке наименований в личное имя основан на принципе метафоризации и оценочном отношении, которое детерминировано мировоззрением народа, его культурно-историческим опытом.

1. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С.21.

2. Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, 2003.-№ 4 (38). - С. 11.
3. Таутаева Г.Б., Ниетбайтеги К.А. Казахские личные имена с семным компонентом «богатство» // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук». – Белгород, 2017. – С. 86-89.
4. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды//Телия В.Н. Языковая номинация (виды наименования). – М.: Наука, 1971, - С. 132.
5. А. Кайдар. Актуальные вопросы казахского языка. – Алматы: Ана тили, 1998. – С. 161.
6. Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Галым, 1998. – С. 90.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 11.
8. Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б. Фитонимы в ономастическом и терминологическом пространстве Казахстана.// Материалы международной научно-практической конференции «Язык. Общество. Время» - Шымкент, 2018. – С. 417.